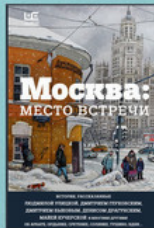

Людмила Улицкая

Моя Москва: сороковые– шестидесятые

Часть сборника
Москва: место встречи
(сборник)

Людмила Евгеньевна Улицкая

Моя Москва: сороковые– шестидесятые

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22016277

Москва: место встречи : городская проза / Сост. Елена Шубина, Алла Шлыкова.; Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной; Москва;

2016

ISBN 978-5-17-099718-3

Аннотация

«...Москва исчезала на моих глазах, и тот город, который образовался в результате строительства и разрушений, мне не очень нравится. Совсем даже не нравится. Он утратил свой разляпистый, хаотический и мягкий облик, обаяние, складывающееся из соединения слобод, бывших деревень и усадеб, утратил свою кривоколенность и приватность, а до столичного города не дотянул по отсутствию городской культуры. Теперь скажем хором: А Большой театр? А Румянцевская библиотека? А Консерватория? С большой натугой – Английский клуб.... Не так уж много для столицы. Не Петербург...»

Людмила Улицкая

Моя Москва: сороковые – шестидесятые

Пятое поколение нашей семьи живет в Москве. Дед купил полдачи в близком пригороде, в Петровском парке, в начале семнадцатого года. Это был пригород, да притом с плохой репутацией. Низкопробные трактиры, публичные дома, знаменитый «Яр»... Сюда ездил развлекаться Лёвушка Толстой, пока не взялся за ум и не сделался великим русским писателем.

Дедушка мой учился в предреволюционные годы на юридическом факультете Московского университета, но не доучился. Революция грянула, и предложение поучиться еще год и выйти уже советским юристом дед не принял. Он ошибочно счел, что это безобразие продлится не больше года, но безобразия хватило как раз на всю его жизнь. Бабушка, окончившая гимназию в Калуге с золотой медалью, собиралась на Женские курсы, но родила мою маму, и образование ее гимназией и ограничилось. Бывшая эта дача, первое семейное гнездо моих деда и бабушки, простояла очень долго, до конца шестидесятых годов, но старики мои выехали оттуда еще в двадцатых, сначала на Садовую, на год-другой, а потом на Каляевскую, где почти всю жизнь и прожили. Под конец

жизни их выселили, дали квартиру на Башиловке, то есть все в тех же местах, в десяти минутах ходьбы от их первого дома в Петровском парке. До сих пор остался небольшой пятачок от этого парка, он между метро «Динамо» и церковью Рождества Богородицы на Красноармейской улице. Отец мой, уже в тридцатых годах, работал на строительстве станции метро «Динамо». Рядом.

Я в Москве северянка – жила на Каляевской, потом на Лесной, теперь вот на «Аэропорте» уже тридцать лет. Я люблю север Москвы. Впрочем, ни старого центра, ни севера уже нет – только отдельные зубья в новой челюсти изредка встречаются.

Во многих городах мира северная часть города более пристойная, благоустроенная. Ну, во всяком случае, выезд по Волоколамскому и Ленинградскому шоссе, на мой глаз, куда как приятнее, чем по Варшавскому или Каширскому.

Москва исчезала на моих глазах, и тот город, который образовался в результате строительства и разрушений, мне не очень нравится. Совсем даже не нравится. Он утратил свой разляпистый, хаотический и мягкий облик, обаяние, складывающееся из соединения слобод, бывших деревень и усадеб, утратил свою кривоколенность и приватность, а до столичного города не дотянул по отсутствию городской культуры. Теперь скажем хором: А Большой театр? А Румянцевская библиотека? А Консерватория? С большой натугой – Английский клуб.... Не так уж много для столицы. Не Пе-

тербург.

Вспоминая о месте, где проходило детство, вступаешь во взаимодействие с ушедшим временем, с памятью. География ребенка расширяется очень быстро, и каждое такое расширение открывает новый мир – соседней квартиры, соседнего двора, керосинной лавки, до которой ходу целых десять минут, а прадед, опираясь на палку и звеня пустым бидоном, идет медленно. Я держусь за бидон. Он алюминиевый, к его крышке грубо приварено ушко...

Каляевская была окраинной улицей, то есть за Садовым кольцом. Мне нравилось это название – какой-то «каляй-валяй-катай» в ней присутствовал, а террориста Каляева в школе едва-едва проходили, но это будет еще не скоро... Про Каляевскую теперь забыли, она снова стала Долгоруковской, а из окраинной превратилась почти в центральную... И трамвай к Савеловскому вокзалу по ней давно не ходит, и станция метро «Новослободская» – помню открытие! – обветшала и давно ждет реставрации. И про Ивана Каляева забыли. А ведь какие славные были революционеры в добольшевистское время – пошел взрывать генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича, подстерегал с бомбой в ситцевом узле у Никольских ворот, у выезда из Кремля, заглянул в карету, а там, кроме приговоренного революционерами князя, сидели его жена Елизавета Федоровна и детки. И дрогнула рука, убрался вместе с ситцевым узелочком. Шахиды всех времен руководствуются принципом

«Убивший да убьет себя!» А этот деток пожалел и себя сам не взорвал, а казнен был через два года в Петропавловской крепости, «через повешание», после того как добрался-таки до генерал-губернатора...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.